

Обнимая Баньбаня, Е Ичунь почувствовал своего рода ответственность, словно его назначили опекуном. Он нежно погладил ребенка по голове и ласково произнес:

— Я непременно хорошо позабочусь о нем. Даос Линь, отправляйтесь в путь со спокойной душой, мы будем ждать вашего возвращения.

Длинные волосы лекаря в бледно-зеленой одежде были наполовину распущены, а его манеры были настолько утонченными, что даже спустившийся в мир людей бессмертный целитель не смог бы превзойти его.

Сердце Линь Яня дрогнуло.

"Он такой нежный, я так его люблю".

— Благодарю за хлопоты, — сказал Линь Янь, нащупав руку Е Ичуня и сжав ее.

— Никаких хлопот, это всего лишь пустяковая услуга. К тому же Баньбань такой милый. Он мне очень нравится, — ответил Е Ичунь, схватив Линь Яня за запястье.

После этого они пошли плечом к плечу. Короткая прогулка по переулку длиной в десяток шагов превратилась в сцену долгого и печального расставания.

Глядя им в спины, Се Баньбань подпер голову руками и скучаяще зевнул.

Линь Янь с тощим узелком и зонтом за спиной, опираясь на бамбуковый шест, неторопливо, но уверенно покинул переулок Хуайхуа. Е Ичунь смотрел вслед удаляющейся фигуре возлюбленного не только с горечью, но и с некоторым облегчением.

Как раз недавно он получил задание, на несколько дней требующее его присутствия в свите его высочества. Теперь, когда даос Линь ушел, он мог со спокойным сердцем приняться за работу.

Как только ворота закрылись, Се Баньбань увидел, как нежный лекарь Линь присел перед ним на корточки, обнял его и спросил:

— Баньбань, любишь сладости? Хочешь, папочка отвезет тебя поиграть в одно интересное место?

Се Баньбань: "..."

"Вы, взрослые, такие странные. Один хочет быть мне дядей, а другой — отцом".

Впрочем, ему было все равно, лишь бы давали еду и кров.

Он с очаровательной детской наивностью ответил "мн" и послушно спросил:

— Папочка, а куда ты меня возьмешь?

— У папочки в ближайшие дни будут дела. Возможно, я не смогу о тебе позаботиться. Давай ты немного поживешь в доме одного дяди, хорошо?

Держа на руках ребенка, словно заботливый отец, Е Ичунь сделал несколько кругов по переулкам, а потом вошел вместе с мальчиком через заднюю дверь в резиденцию регента.

Во двореке тайных стражей толпа подчиненных Е Ичуня вытаращилась на маленького мальчика, послушно жующего танхулу.

— Командир, откуда вы его украли?

Е Ичунь отвесил подзатыльник стоявшему рядом стражу.

— Что значит "украд"? Это родной сын моего возлюбленного!

"Какая тема для сплетен!" — подумали тайные стражи.

Е Ичунь не сходя с места быстро набросал "Десять правил воспитания ребенка" и заодно составил меню детского питания. Наугад выбрав двоих подчиненных, он вручил им листок.

— В этот раз на задание не идете, остаётесь присматривать за этим сорванцом. Развлекайте его и откармливайте. Если к моему возвращению на нем будет хоть одна царапина, ответите головой!

Выбранные наугад тайные стражи замялись.

— Командир, это как-то неправильно. Все-таки это резиденция его высочества. Вдруг этот малец начнет везде бегать и наткнется на какую-нибудь важную особу, что тогда?

Е Ичунь поднял руку, и между кончиками его пальцев блеснуло ярко-синее острие иглы.

Стражи мгновенно замолчали.

Четырнадцатое число пятого месяца.

Се Суй сел в повозку, испытывая на душе легкое волнение. Процессия была не слишком длинной. Пэй Хэн и его люди ехали верхом в строгой одежде¹, и только его повозка, мерно покачиваясь, следовала позади. Колеса совершили последний оборот, и повозка остановилась у храма Чжэндэ, где его и высадили.

После этого Се Суй отправился зажечь лампу для своей семьи. Пэй Хэн проводил его до храма, пожертвовал сто лянов серебра на благовония, после чего весь отряд направился дальше, к охотничьим угожьям.

Се Суй всю ночь провел в храме на коленях, повторяя поминальные сутры перерождения перед неугасимой лампадой.

В главном зале витал аромат сандалового дерева. Божества и Будды склонили головы с милосердными ликами, но Се Суй, опустив голову и закрыв глаза, думал не о Чистой земле, а о преисподней Авичи².

Он видел отрубленные головы отца и старшего брата, принесенные Цай Тином, качающиеся ноги тех, кто повесился на белом шелке в храме предков поместья Се, кровь, хлещущую из тел людей, и непроглядную тьму императорской тюрьмы.

В его сердце жила ненависть. Он не видел богов и Будд и не мог спасти души своих родичей.

Чтение сутр продолжалось всю ночь.

На рассвете Се Суй попрощался с настоятелем храма и вместе с недоумевающим Сяо У спустился с горы.

Е У помог Се Сую сесть на лошадь и доброжелательно напомнил ему:

— Молодой господин, у вас слабое здоровье. Раз уж с делами закончено, не лучше ли поскорее вернуться в поместье и отдохнуть?

"В конце концов, разве лежать дома не приятнее, чем мотаться по дорогам?"

Сидя с прямой спиной в седле, Се Суй обернулся и ослепительно улыбнулся Е У.

— Сяо У, я читал сутры до поздней ночи и вдруг осознал, что на сердце у меня беспокойно.

— Почему? — озадаченно спросил Е У.

Се Суй хлестнул коня, и его хриловатый голос прозвучал с какой-то странной ноткой. В его приторной слащавости скрывалась неопишуемая острота, как будто лезвие ножа было покрыто медом.

— Мое сердце терзают мысли о его высочестве. Тоскую по нему до безумия, оттого и нет мне покоя, — сказал он. — Я должен его увидеть!

Юноша пустил коня вскачь, и его ярко-красные одежды взметнулись на ветру, подобно яростному пламени, охватившему равнину.

Они вдвоем без остановки мчались от храма Чжэндэ к охотничьим угодьям. Вчера небо было ясным, но сегодня погода резко испортилась — поднялся сильный ветер, собирался дождь.

Е У боялся, что Се Суй не выдержит тягот пути, и предложил ему немного отдохнуть, но тот, прикинув время, покачал головой.

И действительно, когда до охотничьих угодий оставалось несколько ли, в небе внезапно расцвел ярко-красный сигнальный дым.

Выражение лица Е У сразу же стало напряженным и серьезным.

— Беда! На его высочество напали!

Он резко перехватил поводья Се Суя.

— Молодой господин, впереди опасно. Вам нельзя туда ехать.

Се Суй постарался изобразить на своем лице панику. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Но что будет с его высочеством!

— Я отправлюсь на подмогу, а вы возвращайтесь той же дорогой в храм Чжэндэ. Когда все закончится, я заберу вас!

Се Суй с несчастным видом кивнул.

— Обязательно защити его высочество!

Проводив взглядом исчезающую вдаль фигуру Сяо У, он развернул коня и с невозмутимым выражением лица поскакал в сторону лесной чащи. Красные одежды мгновенно поглотила густая тень.

-
1. Удобная одежда темного цвета для занятий боевыми искусствами или верховой езды.
 2. Чистая земля — буддийский аналог рая, в который попадают, достигая просветления. Преисподняя Авичи — самый последний круг ада, предназначенный для самых страшных грешников.

<http://bllate.org/book/12493/1499186>